

КРОКОДИЛ

№ 26—27

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

1935

КС56
14

НА ДЕВЯТНАДЦАТОМ ГОДУ

Рис. Л. Бродаты

— Кончайте пейзаж сегодня. Завтра тут будет озеро, а лес перейдет во-он туда!..

ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ КОМИССАРЕ

Близко города Тамбова,
Недалеко от села,
Комиссара молодого
Пуля-дура подсекла.
Он склонялся,
Он склонялся,
Падал медленно к сосне,
И кому-то улыбался
Тихо-тихо, как во сне.
Умирая в лазарете,
Он сказал:
«Ребята... Тут
Есть портрет... Елизавета

Эту девушку зовут.
Красным гарусом расшитый
Вот он, шелковый кисет...
Ну, так вы ей... напишите,
Что меня
в помине нет.
Мол, под городом Тамбовом,
Недалеко от села...
Комиссара... молодого
Пуля-дура подсекла.
Мы над ним
Не проронили
Ни единого слова.
Мы его похоронили

Честь по чести, как бойца.
Но тамбовской ночью темной
Уцелевшие в бою
Мы задумались,
И вспомнила
Каждый девушку свою...
...Я хотел бы, дорогая,
Жизнь мою
Прожить любя.
Жить — любить...
И, умирая,
Снова вспомнить про тебя!..

ИОСИФ УТКИН

О НЕКРАСИВОЙ ДЕВУШКЕ

(ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ „ГЛУБОКАЯ ПРОВИНЦИЯ“)

Деревья. Между ними натянуты два гамака.
В одном — Серафима, в другом — изящный
помощник бухгалтера. Тени ветвей и
лучи солнца падают на них.

Серафима (поет)

*Мы друг в друге души не чаем,
Пригласи меня в гости к себе,
Напой меня сладким чаем,
Погорюй о моей судьбе...*

Помбух. Я говорю, Серафима Вик-
торовна, когда человек с большими
культурными запросами попадает в глу-
бую провинцию, отрываясь, так ска-
зать, от достижений цивилизации,
очень, я говорю, тяжело человеку с
большими культурными запросами...

Серафима (поет)

*Ах, кругом все люди чужие,
Никакой у меня родни...
Посмотри мне в глаза большие,
На обиду мою взгляни!..*

Помбух. Разделяете ли вы мои
взгляды, Серафима Викторовна? Я на-
хожу, что наша эпоха, эпоха весьма до-
стойная и, я бы сказал, историческая,
уделяет весьма мало внимания личному
и красивому. Вы согласны со мной, Се-
рафима Викторовна?

Серафима (равнодушно). Очень
возможно...

Помбух. Я нахожу, Серафима Вик-
торовна, что в нашей трудовой жизни
очень мало поэзии и красоты. Не ска-
жу вам, почему! Благодаря ли тому, что
вкусы наши неразвиты, или же в этом
виноваты высшие инстанции, не скажу,
не знаю! Я честно признаюсь вам, Се-
рафима Викторовна, что, находясь здесь,
на счетной работе, и выполняя работу
весьма и весьма напряженную, я, вы-
ходя после трудового дня на лесные
просеки, а также посещая укромные
уголки, не встретил еще ни одной кра-
сивой женщины!..

Серафима (раскачивается в гама-
ке, поет)

*Вот я выпью стаканчик чаю,
И пора уже уходить...
И попрежнему заскучаю,
И попрежнему буду жить...*

Помбух. Я говорю, Серафима Вик-
торовна, ни одной красивой женщины!
Вот я читаю классические книги: «Она
была стройна, она была волнующа, она
была изящна...» Где они? Где эти жен-
щины? Где она, спрашиваю я вас, Се-
рафима Викторовна, где довоенная кра-
сота?

Серафима. А зачем вам... красо-
та?

Помбух. Чисто в целях платони-
ческих, Серафима Викторовна! Я по на-
туре мечтатель!

Серафима. Хотите, я вам расска-
жу сказку?

Помбух. Люблю сказки, как вооб-
ще литературу.

Серафима. Ну, так вот. Жила-бы-
ла одна некрасивая девушка. Не то
чтоб урод, но некрасивая! И работала
она в одной сберегательной кассе. И
вот происходит там однажды общее со-
брание по случаю помощи жертвам фа-
шизма. И вот выступает моя Квазимо-
да и говорит: «Двадцать пять процентов
своей зарплаты отдаю в фонд, потому
что очень жалею и люблю этих людей».
Хороший поступок, правда?

Помбух. Весьма одобряю!

Серафима. Ну, тут все, конечно:
«Браво!» Что вот не замечали мы, со-
трудники, какая среди нас жемчужина
есть. Браво, молодцом, Сонечка, или
Катечка, или как там ее звали! А полу-
чала она всего сто шестьдесят рублей.
Долой двадцать пять процентов —
остается сто двадцать. Но она идет до-
мой счастливая, она знает, что прине-
сла свою пользу, и сам заведующий ее
провожает до дому. И вот входит она,
счастливая, в свою комнату, смотрит
на свою одинокую постельку: а подуш-
ка-то холодная.

Помбух. А дальше что было?

Серафима. Страшная сказка, прав-
да?

Помбух. Вы очень сентименталь-
ная, Серафима Викторовна.

Серафима. Я не сентименталь-
ная. Я жалеющая... И главное, мне себя
очень жалко... (В упор помбуху). Прав-
да ведь, я не красавица?

Помбух (смущенно). Да... Есть кой-
какие дефекты...

Серафима. Вот вы ищете... кра-
соту! Найдете или не найдете — мне
все равно. Вы мне не нравитесь. Но, до-
пустим, на вашем месте хороший па-
рень. Если бы я не была такой жабой,
он бы меня, может быть, полюбил. А
так он посмотрит на меня и скажет:
«Сима! Нет ли чего покушать?»

Помбух (неопределенно). Да-а...

Серафима. Уж что я ни делала! Я
боролась... Знаете, я могу вас одной ру-
кой завернуть в гамаки и сунуть в воду...
Я работала на железнодорожной стан-
ции... До сих пор, как только засыпаю,
меня гудки мучают... Меня вся желе-
зная дорога любила... Я ухаживала за
больными, а они выздоравливали и го-
ворили: «Спасибо, Сима», и уходили с
богом... (Пауза). Я добрая, я очень до-
брая. Наверно потому, что мне себя
жалче больше всех, и я боюсь, что все
люди такие же несчастные...

Помбух. Это все ваши личные пе-
реживания, Серафима Викторовна. На-
до смотреть глубже...

Серафима. Ну да, а то, что вы
ищете красивую бабу,—это дело очень
общественное!.. Вот вокруг меня очень
хорошие люди. И они всегда утомлен-
ные... Они идут к своему хорошему иде-
алу... И я стараюсь, пусть они хоть сы-
тые будут на своей тяжелой работе. И
пускай они добьются своего. Но только
я не знаю, будет ли кто-нибудь из них
даже тогда, при социализме, будет ли
кто-нибудь любить меня?

Помбух. Все это не так страшно,
Серафима Викторовна! Я ведь сказал
об идеале. Но вы еще сравнительно мо-
лоды, и я бы сказал, что вы, некоторым
образом, извините за выражение, даже
пикантны. Я даже допускаю между нами
некоторую близость...

Серафима (приподымаясь в гама-
ке). Что? Вот я мечтаю о любимом че-
ловеке, пусть он будет хотя бы без ног,
но если вы придете ко мне, начнете
снимать свою рубашечку, расстегивать
запоночки, покажете свою грязную шей-
ку,—я вас так буду бить, так бить бу-
ду!..

М. СВЕТЛОВ

В В А Т И К А Н С К О М Б А Н К Е

Рис. Ю. Ганфа

— Получили уже благословение?
— Нет, придется подождать: кассир вышел.

На дне

Воровское занятие представляет в настоящее время незначительный интерес.

Профессия эта стала маловыигрышная наряду с другими занятиями.

Через это воровство уменьшилось в своем размере. И публика на это идет не так охотно, как раньше.

Отчасти, конечно, многие перековались. А отчасти, конечно, милиция и уголовный розыск поднялись на недосягаемую высоту.

Вот давайте для примера спустимся, так сказать, на дно жизни и поглядим, как и чего там сейчас бывает.

Предлагаем вашему вниманию один ночной рассказ, из которого вы сами увидите, «кому на Руси жить не особенно хорошо».

Один ленинградский гражданин С. К. Ф. немного выпил. Он получил деньги, зашел в какой-то приятный уголок, присел под пальму и там, как говорится, наюзюкался.

А эту сценку увидели две темные личности — два представителя уголовного мира.

Они заметили, что за столиком сидит выпивший гражданин и он мало чего соображает. И вдобавок, видят: одет он исключительно неплохо. И питается прилично. И выпивает недурно.

Это развязало низкие инстинкты двух приятелей. Сердце у них взвырало. И они задумали совершить свое темное дело над заблудшим зажиточным жителем нашего города.

И вот они подсели до этого «пассажира». Сказали ему пару комплиментов. И тот, вдохновившись, набрался, как говорится, до шариков.

И вот тогда представители уголовного мира вывели нашего беспутного гражданина на улицу, завели в переулок и там, ударив по морде, обобрали его до последней нитки.

Сняли с него пальтишко и костюм. Содрали с ног полуботинки. И даже не постеснялись взять с него верхнюю рубашку «зефир».

Так что оставили нашего почтенного папашу и прекрасного работника строительного сектора С. Ф. совершенно в невозможном виде.

При нем оставили только кальсоны и носки, которые не взяты были по причине дряхлости товара.

Конечно, мы не беремся в полной мере художественно описывать возвращение ограбленного к себе домой.

Хождение по улицам в таком виде вообще как-то слабо поддается художественному творчеству.

Но то, что представляет трудности в литературе, в жизни как-то такое потихоньку совершается.

В общем, наш почтенный гражданин, протрезвившись, попер домой.

Наверно, он, где можно, бежал, придерживая рукой свои подштаны. А кое-где, наоборот, шел, вероятно, тихо, скрываясь в тени домов.

И действительно, неудобно, совестно. Может быть, уже начинается утро. Птички — чирик-чирик. А тут идет, представьте себе, такая полуголая образина.

Представляем, как дворник у ворот удивился. Наверно, хрюкая от смеха, пропустил в калитку.

Но вот момент входа в квартиру и момент появления перед родными вообще не поддается описанию. Наверно, ужас что было!

Но так или иначе наш славный гражданин доперся до своего жилища и закрылся в своей комнате, унеся с собой тайну ночного ограбления.

Теперь происходит такая ситуация.

Уголовный розыск в ту же ночь задержал этих двух воров.

Стали их расспрашивать, где украдены вещи. Те не могут объяснить. Так что, говорят, с человека сняли. В переулке.

Пошли в переулочек. Нету этого человека.

Работники розыска говорят: «Ненормально. Вещи есть. Воры есть. Все как будто в полном порядке. А потерпевшего нету. И значит, самые большие трудности у нас впе-

реди. Придется его искать. И сдастся нам, судя по вещам, что потерпевший заметет свои следы».

В общем, три дня шарили по городу. Искали потерпевшего. Выясняли и запрашивали. Никто не признается. Может быть, стыдится или стесняется, что был в таком свином виде.

Однако работники розыска не упали духом. И на четвертый день потерпевшего нашли. Они отыскали его по почтовой квитанции, которую нашли в кармане его украденных брюк.

И хотя потерпевший отнекивался и божился, что это не он был избит и раздет, но истина все же восторжествовала. Была устроена очная ставка с ворами. И те сразу признали в нем свою жертву.

Тогда жертва, потупив взор, сказала:

— Да, это я. Сознаюсь. Просьба не сообщать общественности.

Тут работники розыска посмеялись и сказали жертве: «Можете идти».

А воры не без испуга поглядывали на то, что происходит.

И промежду себя они перешептывались о трудностях своего ремесла в настоящее время.

И верно, с одной стороны: шарить по карманам не так-то уж выгодно. А с другой стороны, вон оно что. Потерпевших отыскивают.

Мих. ЗОЩЕНКО

ИСКРЕННИЙ ПОРЫВ

Рис. Бор. Ефимова

— А почему этот парень с портфелем к интуристам втесался?

— А ему тоже интересно хоть кое-что от гйда о заводе узнать. Он же здесь председатель завкома.

С товарищем Бабашкиным, освобожденным секретарем месткома, страдася великая беда.

Десять лет подряд членская масса выбирала Бабашкина освобожденным секретарем месткома, а сейчас, на одиннадцатый год, не выбрала, не захотела.

Чорт его знает, как это случилось! Просто непонятно.

По началу все шло хорошо. Председатель докладывал о деятельности месткома, членская масса ему внимала, сам Бабашкин помещался в президиуме и моргал белыми ресницами. В зале стоял привычный запах эвакупункта, свойственный профсоюзным помещениям. (Такой запах сохранился еще только в залах ожидания на отсталых станциях, а больше нигде уже нет этого портяночно-карболового аромата.)

Иногда Бабашкин для вида водил карандашом по бумаге, якобы записывая внеочередные мысли, пришедшие ему на ум в связи с речью председателя. Два раза он громко сказал: «Правильно». Первый раз — когда речь коснулась необходимости активной борьбы с недостаточной посещаемостью общих собраний и второй раз — когда председатель заговорил об усилении работы по внедрению профзваний. Никто в зале не знал, что такое профзвания, не знал и сам Бабашкин, но ни у кого не хватило гражданского мужества прямо и откровенно спросить, что означает это слово. В общем все шло просто чудесно.

На Бабашкине были ядовитые сапоги с хромовыми головками и военная гимнастерка. Полувоенную форму он признавал единственно достойной освобожденного члена месткома, хотя никогда не участвовал в войнах.

— А теперь приступим к выборам, — сказал председатель, делая ударение на последнем слове.

Профсоюзный язык, это совершенно особый язык. Профработники говорят: выборы, договоры, средства, процент, портфель, квартал, доставка, добыча.

Еще есть одна особенность у профработника. Начиная свою речь, он обязательно скажет: «Я, товарищи, коротенько», — а потом говорит два часа. И согнать с трибуны его уже невозможно.

Приступили к выборам.

Обычно председатель зачитывал список кандидатов, Бабашкин вставал и говорил, что «имеется предложение голосовать список в целом»; членская масса кричала: «Правильно, давай в целом, чего там!»; председатель говорил: «Позвольте считать эти аплодисменты...»; собрание охотно позволяло; все радостно бежали по домам, а для Бабашкина начинался новый трудовой год освобожденного секретарства. Он постоянно заседал, куда-то кооптировался, сам кого-то кооптировал, иногда против него плели интриги другие освобожденные члены, иногда он сам плел интриги. Это была чудная, кипучая жизнь.

А тут вдруг начался кавардак.

Прежде всего собрание отказалось голосовать список в целом.

— Как же вы отказываетесь, — сказал Бабашкин, демагогически усмехаясь, — когда имеется предложение? Тем более, что по отдельности голосовать надо два часа, а в целом — пять минут и можно идти домой.

Однако членская масса с каким-то ребяческим упрямством настояла на своем.

Бабашкину было ужасно неудобно голосоваться отдельно. Он чувствовал себя как голый. А тут еще какая-то молодая, член союза, позволила себе резкий, наглый, безответственный выпад, заявив, что Бабашкин недостаточно проводил работу среди женщин и проявлял нечуткое, бездушное отношение к разным вопросам.

Дальше начался кошмарный сон.

Бабашкина поставили на голосование и не выбрали.

Еще некоторое время ему представлялось, что все это не всерьез, что сейчас встанет председатель и скажет, что он пошутил, и собрание с приветливой улыбкой снова изберет Бабашкина в освобожденные секретари.

Но этого не произошло.

Жена была настолько уверена в непреложном ходе событий, что даже не спросила Бабашкина о результатах голосования. И вообще в семье Бабашкиных слова «выборы, голосование, кандидатура», хотя и часто произносились, но никогда не употреблялись в их прямом смысле, а служили как бы добавлением к портфелю и кварталу.

Утром Бабашкин побежал в областной профсовет жаловаться на интриги: он ходил по коридорам, всех останавливал и говорил: «Меня не выбрали», — говорил таким тоном, каким обычно говорят: «Меня обокрали». Но никто его не слушал. Члены совета сами ждали выборов и со страхом гадали о том, какой процент из них уделает на своих постах. Председатель тоже был в ужасном настроении, громко, невпопад говорил о демократии и при этом быстро и нервно чесал спину металлической бухгалтерской линейкой.

Бабашкин ушел шатаясь.

Дома состоялся серьезный разговор с женой.

— Кто же будет тебе выплачивать жалованье? — спросила она с присущей женщинам быстротой соображения.

— Придется переходить на другую работу, — ответил Бабашкин. — Опыт у меня большой, стаж у меня тоже большой, меня всюду возьмут в освобожденные члены.

— Как же возьмут, когда надо, чтоб выбрали?

— Ничего, с моей профессией я не пропаду.

— С какой профессией?

— Что ты глупости говоришь! Я профработник. Старый профработник. Ей-богу, даже смешно слушать.

Жена некоторое время внимательно смотрела на Бабашкина, а потом сказала:

— Твое счастье, что я умею печатать на машинке.

Это была умная женщина.

Вечером она прибежала домой взволнованная и счастливая.

— Ну, Митя, — сказала она, — я все устроила. Только что я говорила с соседским управдомом, как раз им нужен дворник. И хорошие условия. 75 рублей в месяц, новые метлы и две пары рукавиц в год. Пойдешь туда завтра наниматься. А сегодня вечером Герасим тебя выучит подметать. Я уже с ним сговорила за три рубля.

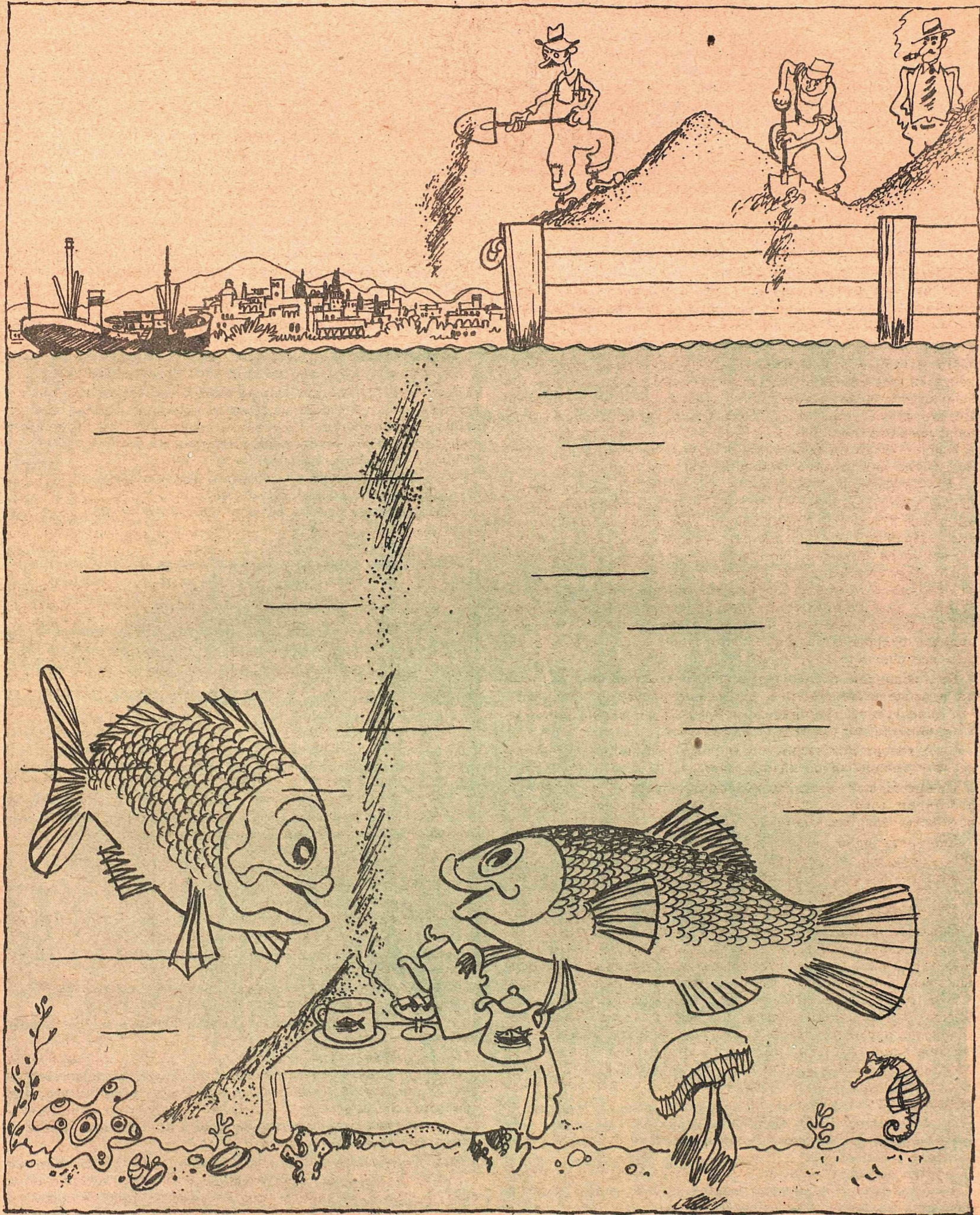
Бабашкин молча сидел, глядя на полку, где стояло толстое синее с золотом собрание сочинений Маркса, которое он в суматохе профсоюзной жизни так и не успел раскрыть, и бормотал:

— Это интриги! Факт! Я этого так не оставлю.

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

У БЕРЕГОВ БРАЗИЛИИ

Рис. К. Ротова

— Ну, как? Будем завтракать черным кофе или подождем, пока они выльют в воду и молоко?

ИСКУССТВО

Иллюстрации Ю. Ганфа

Сегодня Катю в первый раз брали в театр.

Уже с утра она ходила по комнате с большим голубым бантом в волосах, такая торжественная и строгая, что отцу нестерпимо хотелось поцеловать ее в тоненькую шею, от которой так замечательно пахло душистым мылом и родным ребячьим запахом.

— Пойдем, — сказала она в шесть часов, терпеливо дождавшись электричества, — а то все сядут, и нам будет негде.

— Там места нумерованные, — улыбнулся отец.

— А на нумерованных сидят?

— Сидят.

— Вот на них и сядут.

Глаза у нее стали такие печальные, что пришлось ехать за час до начала. В трамвае Катя как взрослая платила сама. Она вынула из вязаного кошелечка два гривенника, протянула их кондуктору и сказала:

— За меня и вот за него. До театра.

Хмурый человек, читавший газету, посмотрел на нее сквозь очки, скрыл под усами улыбку и подвинулся:

— Садись, старуха.

Катя села, но из предосторожности все-таки уцепилась за отцовское пальто.

В театральные зал вошли первыми. Люстра, красный бархат лож и мерцающий гусклым золотом занавес сразу прихлопнули маленькое сердце под коричневой кофточкой.

— А у нас есть билеты? — робко спросила она.

— Есть, — успокоил отец. — Вот тут, в первом ряду.

— И с номером?

— С номером.

— Тогда сядем. А то ты меня опять потеряешь, как тогда в саду. Ты такой.

До самого начала спектакля Катя не верила, что занавес поднимется. Кате казалось, что уже достаточно и того, что она видела, чтобы запомнить и это на всю жизнь.

Но электричество потухло, люди сбоку и сзади присмирели, перестали шуметь программками и кашлять, и занавес поднялся.

— Ты знаешь, что сегодня играют? — шепотом спросил отец.

— Не шуми, — ответила еще тише Катя. — Знаю. «Хижину дяди Тома». Читала книгу. Как продали одного негра Старого.

Со сцены пахло сыростью и холодом. Деревянными голосами заговорили актеры уже надоевший текст. Катя вцепилась в ручки кресла и тяжело дышала.

— Нравится? — ласково спросил отец.

Катя ничего не ответила. Разве стоит отвечать на такой глупый вопрос?

В первом антракте она с'ежилась комочком на большом кресле и потихоньку всхлипывала.

— Катюша, маленькая, ты что? — забеспокоился отец. — Ты что плачешь, глупеньш?

— Продадут, — сквозь слезы ответила Катя.

— Кого продадут?

— Дядю Тома. За сто долларов. Я знаю. Я читала.

— Не плачь, Катя. На тебя смотрят. Это же театр, актеры. Хочешь, я тебе принесу пирожное?

— С кремом?

— С кремом.

— Не надо, — и грустно добавила: — Я, когда плачу, не люблю с кремом.

Второе действие Катя смотрела, вплотную прижавшись теплым плечом к отцу, и тихонько посапывала носом. В антракте сидела грустная и молчаливая.

— Нервный ребенок, — недовольно сказал лысый сосед, разгрызая монпансье.

— Первый раз в театре, — извиняюще шепнул отец.

Настал следующий акт. Дядю Тома продавали на аукционе. Сам он сидел около картонной хижинки и думал о том, что

на улице слякоть, а он пришел в театр прямо из миллиардной, без калош. Аукционист, игравший сегодня утром бывшего попа, горопился скорей кончить роль, чтобы не упустить белокурую контролершу, которая может уйти домой одна. Он поднял деревянный молоток и крикнул:

— Продается негр Том. Сто долларов! Кто больше?

Зрительный зал напряженно затих. Наступал самый горячий момент старой мелодрамы.

Сто долларов! Кто больше?

И вдруг тоненькой рыдающей струйкой вырвался из первого ряда звенящий детский голос:

— Двести!

Аукционист опустил молоток и в недоумении посмотрел на суфлера. Крайний левый статистик икнул от смеха и скрылся за кулисы. Сам дядя Том закрыл лицо руками.

— Катя, Катя, — испуганно схватил ее за руку отец. — Что ты, Катюша!

— Двести, двести! — кричала Катя. — Папа, не давай его продавать!.. Папочка!..

Лысый сосед бросил на пол программу и зашипел:

— Безобразия!

Из задних рядов стали вытягиваться головы зрителей. Папа быстро поднял Катю на руки и понес к выходу. Она крепко обхватила его за шею и прижалась мокрым лицом к уху.

— Ну вот и сходили в театр, — седито в пустом фойе сказал папа, покрасневший и смущенный. — Ты что же это?

— Жалко, — еле слышно ответила Катя. — Я больше не буду.

Отец посмотрел на с'ехавший на сторону бант, на длинную слезинку, застрявшую в уголке глаза и вздохнул.

— Выпей воды. Хочешь, я тебе его сейчас покажу? Дядю Тома? Сидит у себя в уборной, живой, непроданный. Хочешь?

— Покажи. — Катя лягнула зубами о стакан с лимонадом. — Хочу.

Из зала уже шумно выкатились в коридоры и фойе зрители. Все над чем-то смеялись, и отец быстро повел Катю к обитой войлоком двери в конце коридора.

— К Заполянскому, — сказал он капальдинеру у дверей, — которая уборная?

— Вторая слева.

Заполянский уже смыл черную краску густыми потоками вазелина. Лицо у него стало голстое, красное, и пудра делала его похожим на клоуна. Недавний аукционист горопливо завязывал галстук.

— Здравствуйте, Заполянский, — сказал отец. — Ну, смотри, Катерина, вот он — твой дядя Том. Любуйся!

Катя широко раскрытыми глазами посмотрела на пудренное актерское лицо.

— Нет, — сказала она.

— Ну вот, — жирным смехом засмеялся Заполянский. — Да честное же слово, я же... А хочешь, я тебе покажу, как суслики свистят?

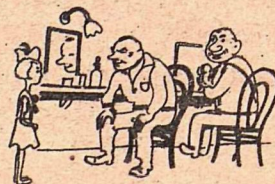
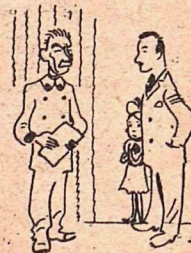
И не дожидаясь ответа, он свистнул тоненько и совсем непохоже на суслика.

— Ну что, — спросил бывший аукционист, завязав галстук бабочкой, — можно его теперь продавать?

В глазах у Кати что-то погасло, и она сказала и грустно и разочарованно:

— Продавайте.

Арк. БУХОВ

СПРАВКА И БАРАН

(Басня)

Однажды грамотный баран
По просьбе волка выдал справку,
Что данный волк ест только травку,
Что нрав смиренный волку дан.
Что мирно волк живет и тихо
И что из волка выйдет толк,
Что мать у волка—не волчиха.
А так—домашняя зайчиха,
И что отец его—не волк,
Что волк людей не убивает
И не питается мясным:
В лесу за тем лишь волк бывает,
Что дышит воздухом лесным.

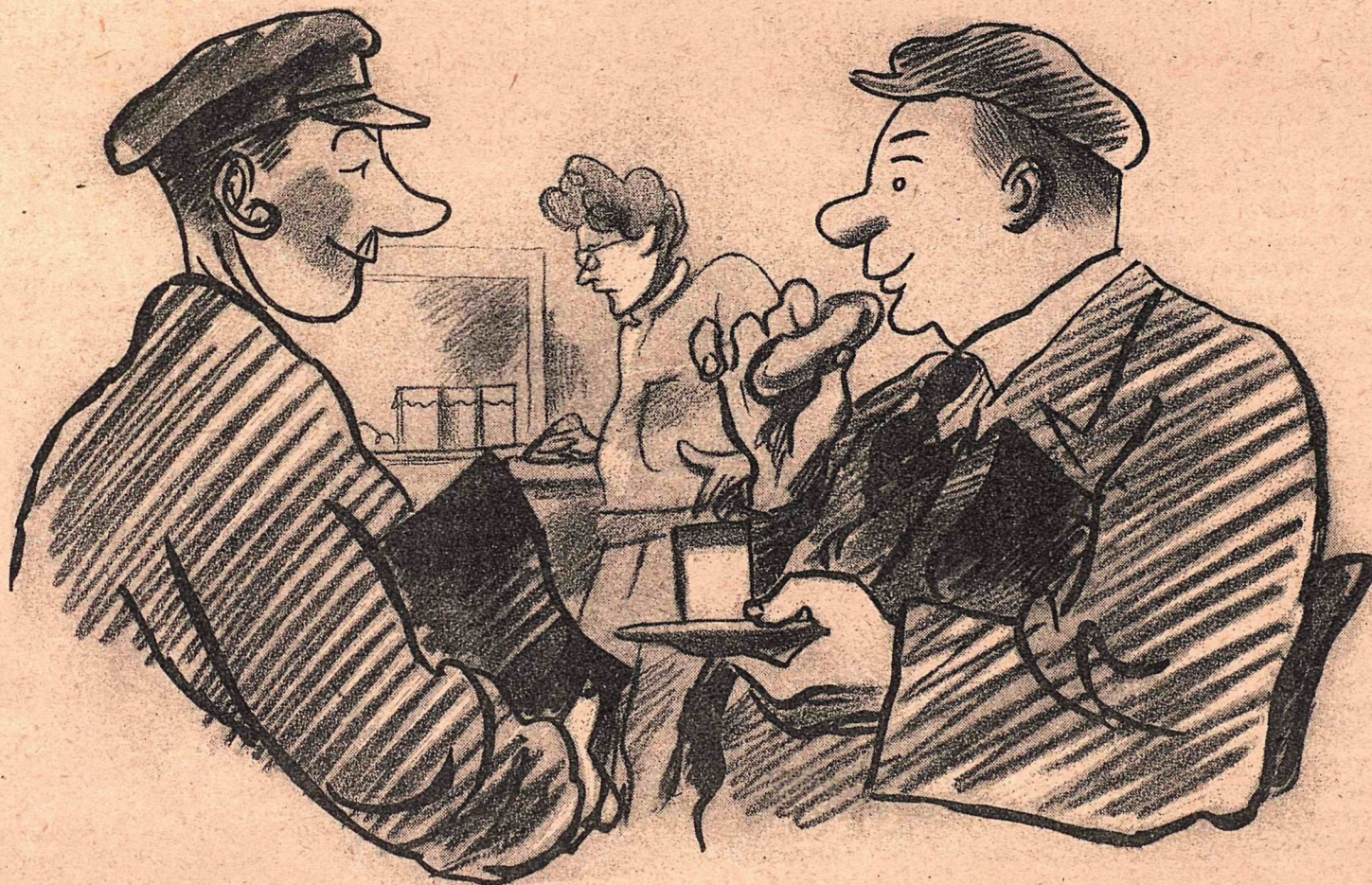
Что не разбойник он отпетый
И вообще не хищный зверь.
И что принять в колхоз теперь
Его должны по справке этой.
Баран закончил мирно строчку
И глупым глазом глянул вниз...
А волк решил поставить точку —
Барану горло перегрыз!..

●
Не ждать от хищника добра нам
И не искать с ним мировой!
Уместно думать лишь баранам,
Что волк питается травой.

ВЛ. МОГОЛЬ.

ЖЕРТВА РЕЖИМА

Рис. Л. Бродаты

- Как только пленум горсовета, так я остаюсь без обеда.
- Долго заседаете?
- Да не я, моя домработница заседает, а обед готовить некому.

МОНОЛОГ МАДАМ ФИСАКОВОЙ

(Небольшая комната в бывшей, так называемой барской квартире. Масса всякого старорежимного барахла эпохи процветания российского капитализма: немножко «модерн», немножко «рококо», немножко «рюс» с оттенком нижегородской ярмарки и ресторана «Яр». На всем отпечаток былого великолетия. Мадам Фисакова — женщина того возраста, о котором уже не спрашивают даже из деликатности — примеряет платье своей новой заказчице, жене молодого советского поэта. Жена поэта ужасно стесняется. Она первый раз в жизни шьет себе платье у такой известной портнихи. Мадам Фисакова во время примерки занимает заказчицу великосветскими разговорами).

Стало быть, ваш супруг — поэт? Очень приятно. Будьте такие добренькие, немножко повернитесь. Так. Здесь мы сделаем, если вы не возражаете, небольшой вырез. Теперь разрешите я пока рукавички приколю булавочками. Под мышками не жмет? Мерси. Пожалуйста, немножко пройдитесь — посмотрим линию. Что? Мало места, чтоб пройтись? Ничего, ничего. Пройдитесь от этой тумбочки до этого столика. Вполне достаточно. Ничего не поделаешь. Приходится жить в тесноте, да не в обиде. Вы знаете, до революции я занимала всю эту квартиру. Сто двадцать рублей в месяц. Прелестная квартира была. Вы не слышали такое имя: Зенон Зенонович Котята? Нет? Очень жалко. Это старинная русская фамилия. Видите ли, покойный Зенон Зенонович Котята был моим, так сказать, неофициальным мужем. Впрочем вы, молодежь, этого не испытывали. Вы живете в счастливое время. Теперь все мужья официальные. А при царизме на этот счет было ужасно строго. Приезжал два раза в неделю, а в остальное время — живи, как знаешь. Совершеннейший либерал. Простите, к чему я это вам говорю? Ах, да. По поводу литературы. Вот вы, кажется, сказали, что ваш супруг — поэт. Не знаю. Не спорю. Не читала.

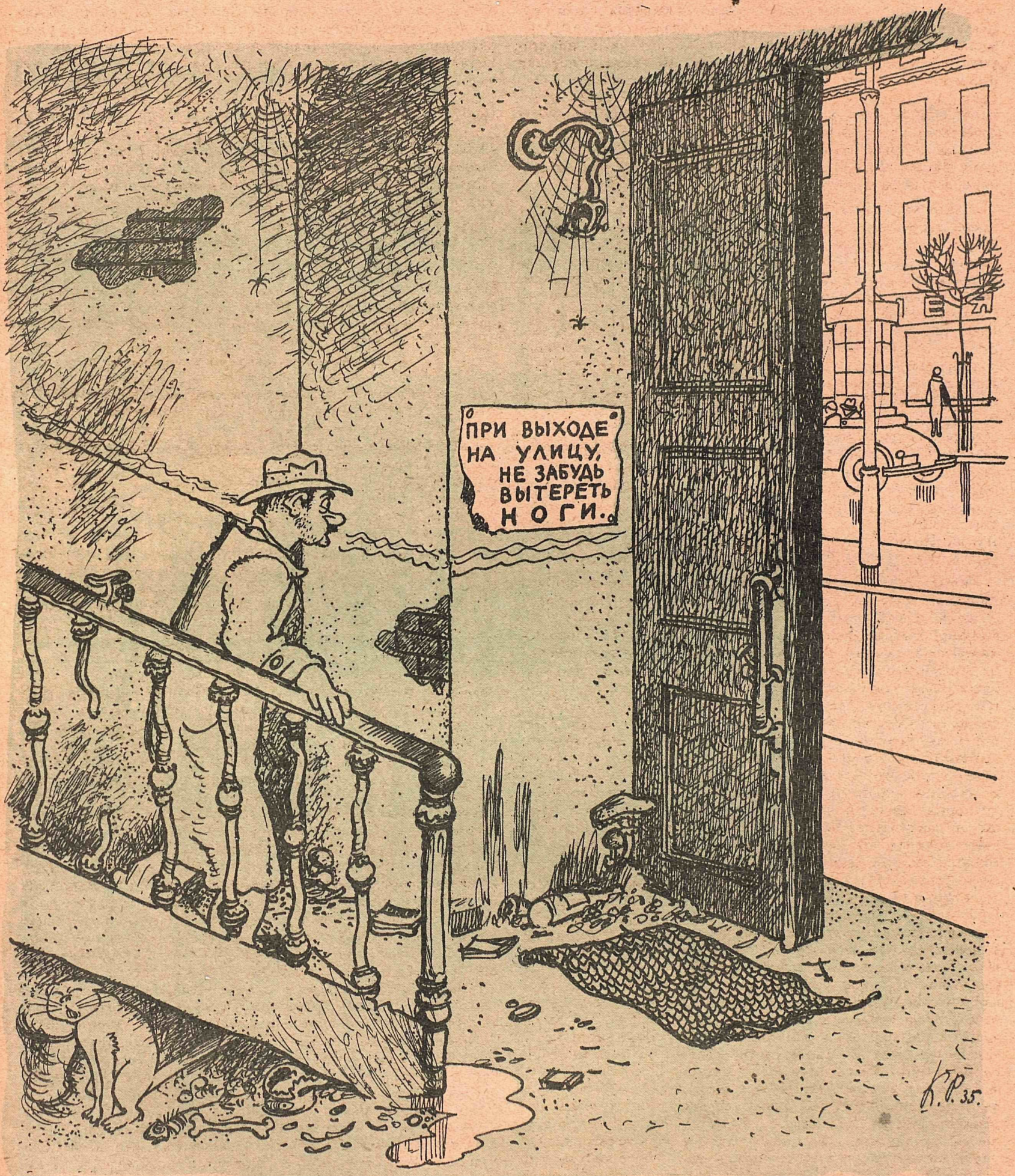
Может быть, вы думаете, что я некультурная женщина, ничего не понимаю в литературе, ничего никогда не читала? В таком случае — жестоко ошибаетесь. В свое время в моей квартире бывали сливки литературного общества. Молодые литераторы считали за честь получить ко мне приглашение на фэйф-о-клок. Какие у меня люди бывали! Боже ты мой, какие люди! Поэты, прозаики, новеллисты. Орлы! Теперь какие литераторы? Так себе. Ничего особенного. Ничего выдающегося. С теперешним писателем можно полчаса в трамвае ехать, держась за одну лямку, и в голову не придет, что это писатель. А в мое время, милочка, писатель — это был человек такой, что его за три квартала можно было отличить от простого смертного. После оперных теноров писатели были первые люди. А как писали! Боже ж ты мой, как писали! А как читали! Боже ж ты мой, как читали! Мороз по коже подирал. Вы понятия об этом не имеете. Акмеисты, символисты, неореалисты, эвдемонисты, имажинисты. И все считали за честь появиться у меня в салоне. Так-то. Позвольте, я еще тут одну складочку булавочкой прихвачу. Не жмет? Превосходно. Вы, например, вероятно, не слышали про такого знаменитого поэта Константина Бальмонта. Слышали? Странно. Но это не важно. Слышать о нем — этого мало. Надо было видеть. Он у меня однажды остался ночевать после ужина. Я его не рискнула отпустить домой. Среди ночи вдруг слышу в его комнате какие-то странные вопли. Я, конечно, бужу Георгия Николаевича... Кто это Георгий Николаевич? Ах, пардон, я вам, кажется, не сказала. Был такой корнет сумского гусарского полка Георгий Николаевич Жура-Журавель. Мой амант. Что такое амант? Гм... Ну как вам объяснить? Прямо-таки затрудняюсь. Нечто вроде теперешнего хахала. Одним словом, в отсутствие покойного Зенона Зеноновича Котята... Ну вы меня, надеюсь, понимаете... В моем тяжелом положении неофициальной жены надо же было иметь кого-нибудь для души. Конечно, один корнет не мог заполнить пустоты моего сердца. Был еще один замечательный человек — Альфред Карлович Розенберг, немецкий архитектор. Без слез не могу вспомнить. Однажды он приходит ко мне и говорит: «Диана! Пятьсот рублей или я погиб!» Вы сами по-

нимаете мое положение. Я, конечно, заложила все, что могла, и спасла моего Альфреда. Проходит два месяца. И что же вы думаете? Приходит Альфред. Бледный, как мел, глаза лихорадочно горят: «Диана! Я опять погиб». Вы сами понимаете мое положение: красавец, архитектор... я заложила все, что могла, и спасла. Через два месяца опять: «Диана...» А сам дрожит, слова не может произнести. — Что? Погиб! Ну, знаете, мне это надоело. — Альфред! — кричу я ему, — скажите мне прямо: сколько раз вы будете погибать в течение года? «Шесть», — говорит Альфред. — И каждый раз по пятьсот? «Каждый раз по пятьсот». — Что поделаешь? Пришлось заложить все, что могла, и обеспечить жизнь Альфреда на полтора года. Сейчас он в Германии. Говорят, у фашистов занимает какой-то видный пост. Чуть ли не министр. Я всегда говорила, что он далеко пойдет. Ах, Альфред, Альфред! Да, пардон. Я что-то начала про Бальмонта. Да. Совершенно верно. Бежим мы с Георгием Николаевичем в комнату Бальмонта, и что же мы там застаем? Вообразите — картина... На столе коптит керосиновая лампочка, в комнате такой чад, как будто бы коптят свинью, сажа покрывает все и кружится хлопьями в воздухе, а поэт лежит на полу с задранной рыжей бородой, хватая руками копоть и мычит в нос: «Чер-р-ный снег! Чер-р-ный сн-н-н-ег-г-г!». Вы представляете себе? Черный снег! Это был поэт! И имажинисты!!! Вы знаете, что такое имажинисты? Не знаете? Ну ясно. Где же вам знать. Верите ли, в тридцатиградусный мороз в одних фраках по улицам на извозчике ездил. То-есть буквально в одних фраках. Кроме фрака на теле ничего — ни брюк, ни кальсон, ни рубашки. А вы говорите — советская поэзия. А потом были такие, назывались «ничеговоки». Уже во время военного коммунизма. Так у них стихи состояли исключительно, пардон, из матерных слов. Ни одного нематерного слова принципиально не признавали. Сначала, знаете ли, было как-то странно слушать. А потом, можете себе представить, до того привыкла, что заснуть не могла без того, чтобы не почитать чего-нибудь на сон грядущий из «ничеговоков». А как умели замечательно называть книжки. «Бутерброды на вешалке», «Мать наизнанку», «Фаршированные крысы». Какая острота! Какая образность! Какая сила! А вы говорите... Однажды они у моего Михаила Алексеевича Чихако бобровую шубу сперли. Кто это Михаил Алексеевич? Разве я вам не говорила? Это друг моего покойного Зенона Зеноновича. Известнейший присяжный поверенный. Депутат Государственной думы. Сейчас он за границей. В Париже. Эмигрант. Работает в палате депутатов. Сменным истопником. И лекции читает. На тему «Мессианство и демонизм — два неизбывных источника великой русской эмиграции». Я всегда говорила, что он далеко пойдет. Говорят, наднях к моему Альфреду в Берлин ездил гостить. Да. Так на чем я остановилась... «Ничеговоки» украли у Чихако бобровую шубу, продали ее на Сухаревке, купили половину соленой лошади, ведро спирта и три фунта хлеба и за два дня написали и выпустили втроем восемь альманахов «О чем педа прямая кишка». И все это вот тут, в этой самой квартире. А вы говорите — современная литература. Да. Эта квартира-таки многое повидала на своем веку. Было время... Теперь, конечно, не то. Далекое не то. Очень далеко не то. Квартиру забрали. Оставили мне только эту комнату. Вместо литературы приходится заниматься шитьем платьев. Но я не ропщу. Зарабатываю недурно. Вкус-то ведь у меня остался? Вкус-то ведь у меня никакая власть отнять не может. Так что вы не беспокойтесь. Будет у вас платье замечательное. Здесь я вам сделаю воланчики. На правом бедре — вырез. На левом бедре — вырез. Спина голая... Что? Вам не нравится? Гм... Конечно... Я так и думала. От жены современного поэта чего и ждать. Впрочем я вам и не навязывалась. Не хотите одеваться со вкусом — не надо. Идите в ваши мостропы. Я вас не задерживаю. До свиданья. Прямо и направо. Не наступите на Бобика. Скатертью дорожка. Что? У вас у самой вкуса нет. Не вам меня учить. Слава богу, кое-что в искусстве понимаю.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Рис. К. Ротова

На суше и на море

РАСЦЕНКА СОВЕСТИ

Миллиардер Джон Рокфеллер (вверху), заявивший корреспонденту „Нью-Йорк Таймс“:

— Я дожил до 96 лет и только благодаря чистой совести и хорошему пищеварению могу и сейчас зарабатывать несколько миллионов в год.

Ман Ли (внизу), крестьянин Северного Китая, который заявил корреспонденту французской газеты:

— Совесть моя чиста, но пищеварение у меня плохое, так как я ем не каждый день. Мой месячный заработок—29 американских центов.

СКАНДАЛ КРАСКАМИ

Образец левых загибов в искусстве на потребу буржуазному покупателю: картина художника Макса Эрнста, проданная на днях за большую сумму на одной из парижских выставок.

Почему картина называется „Сад“, а не „Слепая кишка на свободе“ или „Смерть небогатой бабочки“, неизвестно. Важно ошарашить испуганного буржуазного ценителя, а остальное приложится.

ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ

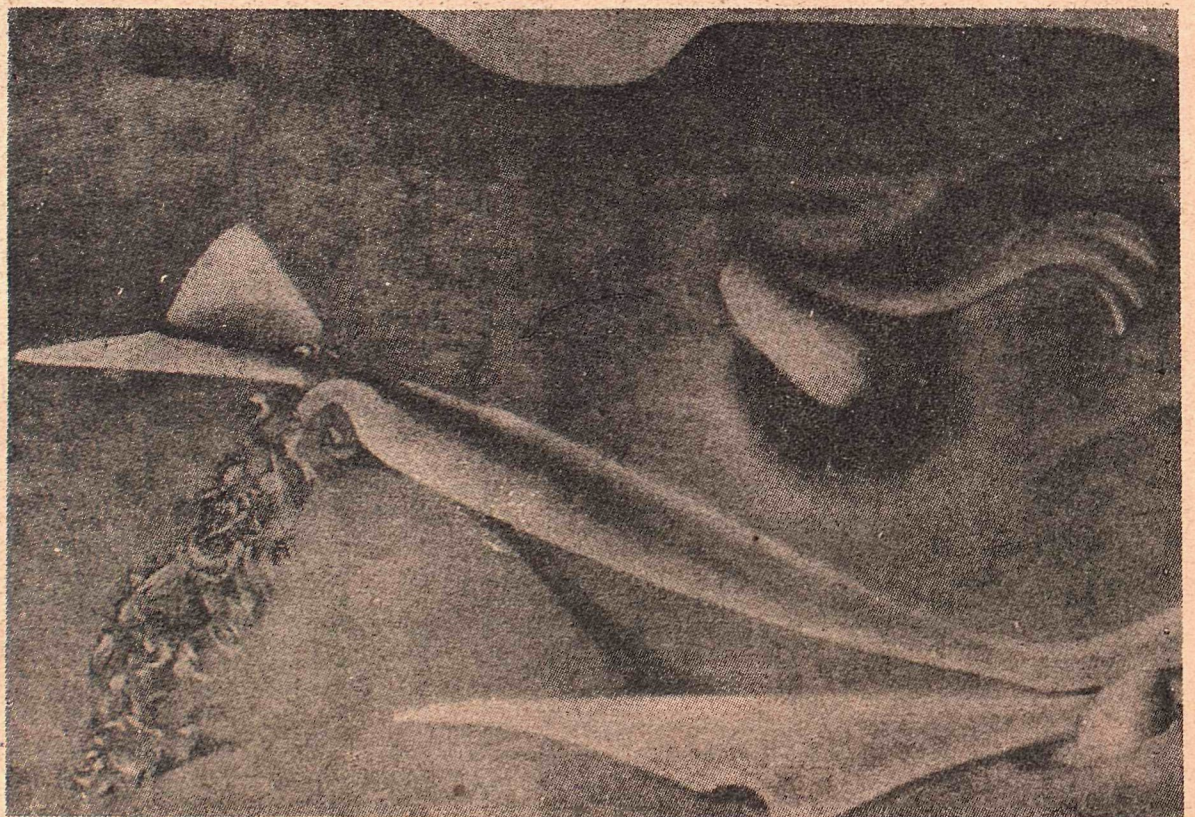
„Потешные полки“ итальянских фашистов. О них очень метко сказано в характеристике действующих лиц трагедии „Разбойники“ Фридриха Шиллера:

„Молодые люди, впоследствии—разбойники“.

КОМБАЙН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Новейшее достижение в области американского земледелия, которое не рекомендуется ни догонять, ни перегонять: негр из Джорджии (штат Северной Америки) и его жена тянут плуг.

ЗАПАДНЫЙ ПЕЙЗАЖ

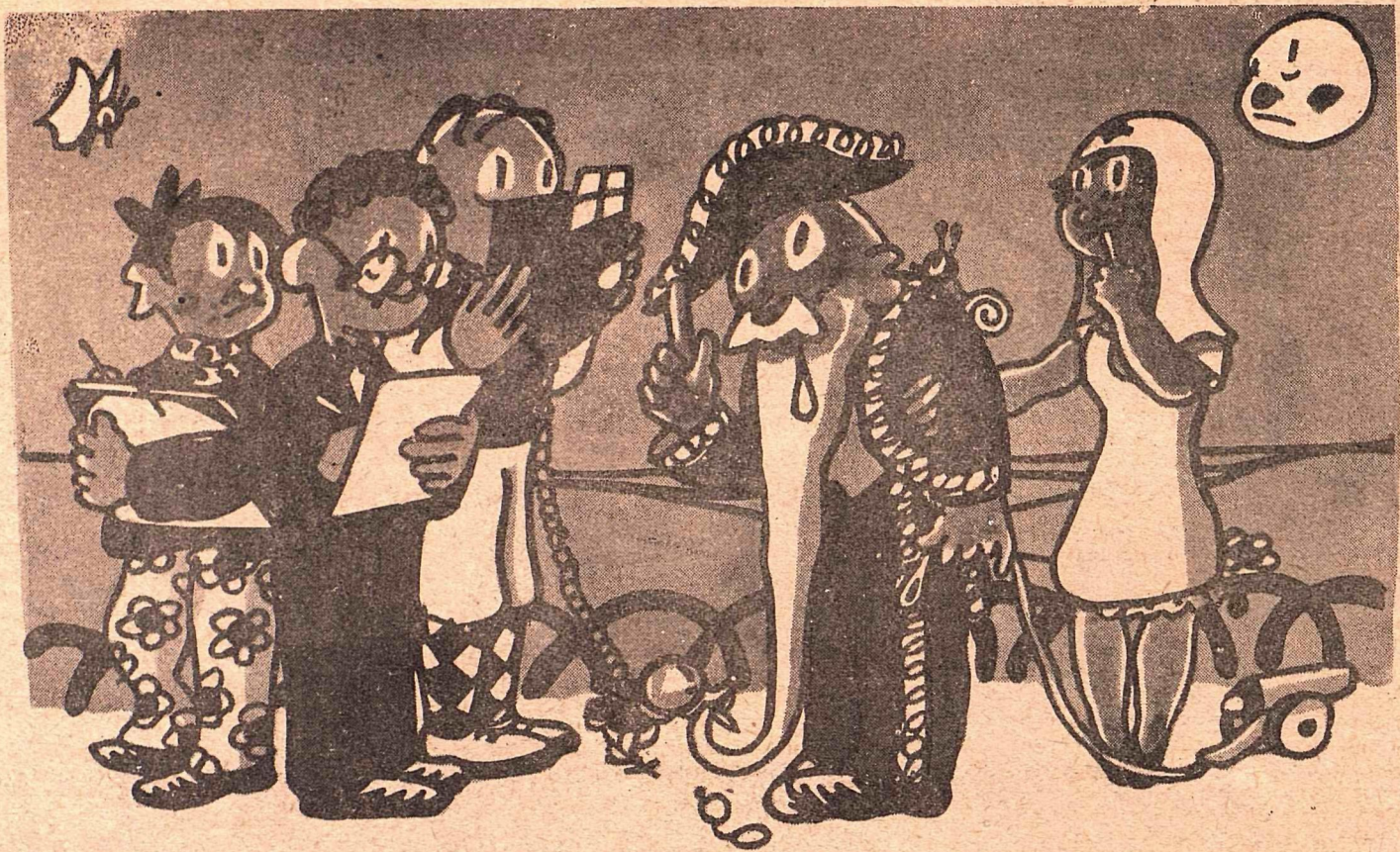
Рис. М. Храпковского

— Кстати, ты не забыла захватить с собой холодной телятины?..

СРЕДИ ДИПЛОМАТОВ

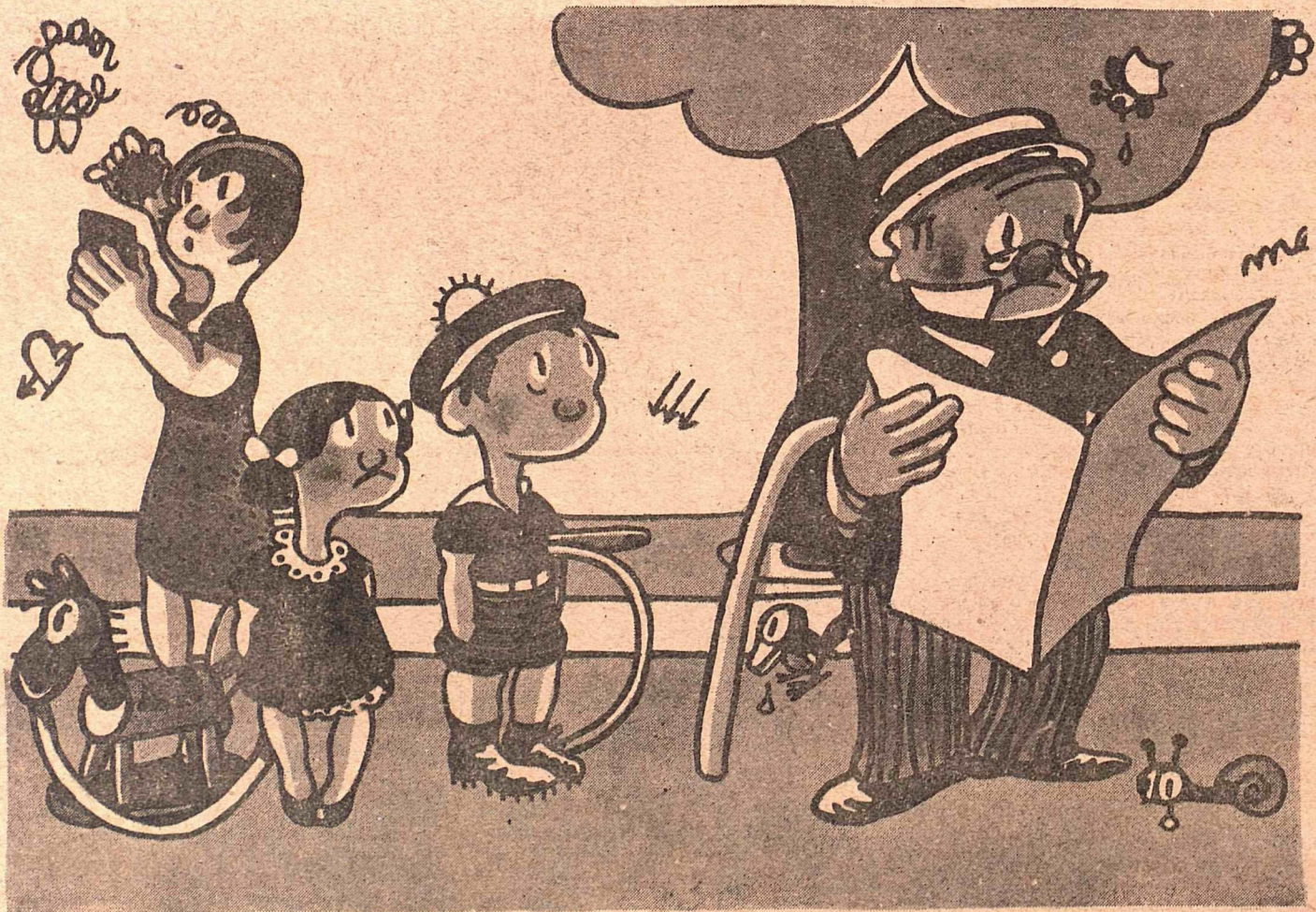
Рис. Жана Эффеля (Париж)

- Что это вы сейчас готовите? Схему проекта плана договора или проект плана схемы?
— Нет, план схемы проекта.

ГАЗЕТНЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ

Рис. Жана Эффеля (Париж)

- Куда же мы идем, папа?
— В пропасть.

Я увидел его в окно. Он шествовал, поднимая, как стая, свою седую роскошную бороду, разделенную на два сектора, равных по величине и красоте.

Он с гордой важностью нес все, обилие галунов, позументов и парчи, которыми были облечены его широкая шинель и огромная фуражка.

С той же гордой осанкой и чувством собственного достоинства зашел он в мой кабинет, приложился по-военному к козырьку своей изумительной фуражки, поправил бороду и произнес неожиданно ласковым и вкрадчивым голосом:

— Я написал статью для газеты. По очень важному государственному вопросу.

Не дожидаясь ответа, вынул из-под позументов, из обшлага левого рукава шинели, аккуратно сложенный лист бумаги и положил на стол.

Заглавие — «Смерть Ивану, гибель Степану». Подзаголовок — «Об одной отрывке проклятого царского строя».

В статье говорилось о том, что несмотря на великие победы социализма у нас еще много отрывков прошлого. Мы пользуемся старыми, отмеченными в святцах именами: Иван, Степан, Марфа, Егор.

Надо в срочном порядке заменить все эти церковные имена другими, созвучными эпохе и новейшим достижениям науки. Предлагается ввести в обиход такие имена, как Эфир (для мужчин), Эфира (для женщин), Темп, Аврал, Парашют, Стратосфера, Догнат и Перегнат (для двойни мужского рода), Руда и Сталь (для двойни женского рода), План и Программа (для смешанной двойни)...

Под статьей красовалась каллиграфически выведенная подпись

«Старший швейцар канифольного треста
Великошапка».

Знакомая фамилия! Я внимательно посмотрел на человека в позументах. Вспомнил — это он, мой земляк!

Я вспомнил тишину и грязь родного города Болотинска. На Вознесенской улице, в тени берез и верб, стоял особняк, у ворот которого неизменно стоял рябой, усатый городской. Здесь жил предводитель дворянства Великошапка, прославленный свсими кутежами и снегирами.

Снегири — любимое занятие его превосходительства в часы отдыха. У него было несколько сот снегирей разных пород. А одного снегиря, как упорно говорили в городе, он выписал с острова Борнео.

Как и теперь, его роскошная — тогда еще не седая — борода была расчесана на две равные половины. Как и теперь, он блистал тогда пуговицами и галунами мундира.

Он приобрел много новых позументов и медных пуговиц в обмен на свои чины, особняк, имение и знаменитую сосновую рощу.

— Скажите, гражданин Великошапка, вы из Болотинска? Бывший предводитель?..

Он явно смущен. Но быстро приходит в себя. Поправив привычным жестом бороду, говорит опять спокойно и вкрадливо:

— Надо полагать, земляк? Чрезвычайно рад познакомиться. Да, я тот самый Великошапка. Но все это в прошлом. Через несколько лет после победоносной пролетарской революции я случайно открыл, роаясь в старых домашних архивах, что я не тот, за кого себя всю жизнь принимал. Оказывается, моя мать, жена помещика-эксплоататора Великошапки, тайно сошла по влечению сердца с молодым кучером, крестьянином-бедняком. Результатом этой связи и было мое появление на свет... Узнав обо всем этом, я твердо решил стряхнуть от своих ног прах белого и примкнуть к своему классу.

Когда он ушел от меня, обиженный отказом напечатать его статью, я вспомнил один эпизод из жизни швейцара канифольного треста.

Тогда он еще не был швейцаром, а был предводителем. К городу приближались отряды Красной армии. Предвидя неприятности, Великошапка распродал все свое имущество — особняк, имение, рощу, лошадей и кур. День-

Дружеский шарж Бор. Ефимова

ги — николаевки и керенки — положил в железный ларец. Закопал ларец в саду, за старой яблоней.

Однажды ночью совсем неожиданно в город вошли большевики. Великошапка стремительно бежал, не успев захватить с собой ларец с деньгами. Дорогой утешался: «Все равно... Через две недели вернусь... Все мы вернемся...»

Вернулся он через два года, потеряв гордую осанку и любовь к ближним. Поступил вскоре на работу в земотдел, консультантом по птицеводству.

Как-то он пробрался в сад, к старой яблоне, и выкопал ларец. Продал какому-то спекулянту свои николаевки и керенки и за все вырученные деньги купил одного снегиря.

Он жил теперь на окраине, снимая комнатку у какой-то старушки. Старушка потом рассказывала, как, принеся домой снегиря, он обратился к нему с такой речью:

— Слушай, птица! На тебя ушло все мое состояние: и особняк, и имение, и сосновая роща. Вот какой ты дорогой, снегирь. Я тебя буду беречь, как зеницу ока. Я тебя буду любить и лелеять, как заветную мечту. Когда вернется в Россию настоящая власть, я приду и скажу ей: вот эта маленькая птичка — символ моего большого страдания...

Прошло несколько месяцев. Однажды Великошапка вернулся со службы и заметил: снегирь не в духе, снегирь скучает, снегирь неест, снегирь болен.

К вечеру птичка приказала долго жить. Великошапка притих, сжался. Все потеряно, все погубило! Через несколько дней он скрылся из нашего города.

И вот он в новом обличье — в позументах. Знают ли те, которые так наряжали его, кто он, их красивый швейцар?

Г. РЫКЛИН

МЕМОУАРЫ НА КРЫШЕ

— Однажды моей бабушке купили живого воробья. Старушка даже не притронулась к нему. От птицы пахло мышью, а бабушка терпеть не могла мелких грызунов, — задумчиво сказала толстая рыжая кошка и почесала лапой за ухом. — Она лакала сливки, не сходя с дивана. После сливок поворачивалась кверху животом и спала, пока ее не будила хозяйская горничная.

— Воробьи и сливки — это, наверное, чрезвычайно вкусно, — с почтительной завистью вставил длинный серый кот, ласково залитый луной. — Это почти сосиски. Теперь уже никто не продает воробьев. Это дело вырвано из рук частных, а государство еще не обеспечило нас воробьиной базой. Приходится надеяться на самотек.

— Бабушка была кошкой высокой души и голубой крови, — не слушая его, продолжала рыжая, кивнув пестрому котенку, показавшемуся из водосточной трубы. — Она стыдилась сама по-хамски кидаться на воробьев и есть их с перьями. И тем не менее в двадцатом году ей пришлось поймать собственноручно двух воробьев на завтрак.

— Жирных? — с юношеским любопытством спросил котенок из трубы.

— Бабушка об этом умалчивала. Их у нее отняли хозяйка и с'ели. Бабушка простила им эту бестактность. Они вообще изменились после восемнадцатого года. Ее хозяйка к тому времени уже пекла дымные с условной начинкой пирожки на продажу, а хозяин как вольнонаемное лицо крал свинину в двух учреждениях. Бабушка мучилась в этой атмосфере. Она была далека от новых веяний, и ей хотелось прежних сливок. Однажды вечером, презирая голод, бабушка села на колени к хозяину. Он погладил ее, посмотрел невидящими глазами и схватил за хвост. «Катя, — сказал он жене, — в каком это веке в Голландии ели кошек?» Бабушка сразу догадалась и убежала на двор поужинать одной беспризорной крысой, за которой уже четыре дня охотилась соседняя собака.

— Ну, и с'ела? — нетерпеливо спросил длинный кот.

— Да! — коротко ответила рыжая. — Собака бабушку. После нее осталась моя мама. К счастью для нашей семьи, вскоре был объявлен нэп, и матушкин хозяин стал торговать кепками и подсвечниками. Кепки быстро раскупали бывшие присяжные поверенные, а в подсвечники прятали валюту. Торговля шла бойко, в доме запахло ветчиной и надеждой на возвращение из заграницы дяди-домовладельца. Наступала почти красивая жизнь. Хозяин вклеивал в переплеты Энгельса белые фунты стерлингов, а хозяйка даже приискала среди родственников партийного бухгалтера для дела. За него платили партвзносы, поили его белым вином и сшили ему синий костюм с парой запасных брюк. «Пусть знают, — говорил хозяин, — что партийному человеку лучше всего служить у энтузиаста-частника». Мама растолстела, изредка ссорилась с соседними кошками, пила сырое молоко и почти не скучала. В это время родилась я.

— Я помню вашего папу, — еще почтительнее заметил длинный кот. — Кажется, это был мой двоюродный брат. Пестребитая лапа, строгий профиль и чудесный характер.

— Пусть это будет ваш кузен, — недовольно отозвалась рыжая, — я же не настаиваю, что это был граф. Итак, с моего рождения положение в семье хозяина несколько ухудшилось. Кепки стало делать государство, партийный бухгалтер оказался беспартийным маркером, на скопленные партвзносы он соблазнил хозяйку и увез ее в Кострому вместе с запасной парой синих брюк. Хозяин в отчаянии хотел бежать за границу или открыть холодную закусточную в Москве, но пересилил себя и поступил консультантом на кинофабрику. Мама оказалась на положении беспризорной кошки в разоренной эпохой семье. Маме это не понравилось. «Лучше, — сказала она, — я буду есть бычачью печенку в семье скромного труженика, чем питаться курицей в социально неустойчивой

среде». Тогда в один осенний вечер мы унесли с ней в коридор холодную утку из шкафа, закусили перед дорогой, и наши пути разошлись. Мама перешла жить в семью руководителя философского семинария при балетной школе, а я нашла приют в проходной комнате прораба Гутеева.

— Превратности судьбы, — тонко заметил длинный кот.

— Превратности, — согласилась рыжая. — Однажды мамин хозяин пришел домой и очень долго возмущался, почему не дают безболезненно вращаться в социализм папаше его жены — священнослужителю отцу Иерониму, которому небольшой доходный каменный домик в сельской местности мешает сразу поверить в лучшее будущее. «Что значит, — кричал он, — каменный домик в два этажа перед каким-нибудь гигантом строительства? Зачем задерживать внимание трудящихся на мелочах?» Потом он стал еще задумчивее. Оказалось, что ему в неделикатной форме предложили поехать в деревню на какую-то работу. «У меня плоскоступие и бессонида, — сурово сказал он, — природа мне действует на организм. Я не могу строить ихних пятилеток без пользования городскими коммунальными услугами». После этого он пригрозил захворать злокачественной ангиной или перейти в оппозицию. Ему разрешили остаться в городе и только взяли обратно партийный билет. Он почему-то обиделся, пришел домой взволнованный и запустил моей матушкой в статую голого человека. Статуя уцелела, но матушку вынесли за хвост в помойную яму. Семья наша уменьшилась на одну честную кошку.

— А ваша жизнь? — робко спросил пестрый котенок.

— Мой хозяин прораб Гутеев оказался странным человеком. Он очень часто разговаривал со мной. Он, видите ли, строил фабрику-кухню. Приходили к нему другие прорабы, и каждый из них пока еще не чувствовал всего будущего, но уже чувствовал свою постройку. Однажды пришел один очень засуматошенный прораб, которому даже верить было некогда, — до чего он торопился выстроить какую-то школу. «Послушайте, ребята, — сказал он, — в сущности говоря, если Гутеев выстроит свою кухню, я — школу, Дрыкин — свой универмаг,

а остальные ребята — свои домики, у нас будет великолепная улица в прекрасном городе. Главное — стройте». После этого разговора мой хозяин сказал мне, снимая носки: «Мне кажется, кошка, что если мыслить не одним домом, а целыми улицами, — все станет яснее». Потом он закурил папиросу, я задремала, а через десять минут он разбудил меня и сконфуженно заметил: «А что если мыслить не об улице, а о целом городе? Как ты думаешь, рыжая?» «Спите, — мурлыкнула я, — завтра вам рано вставать». Утром, поставив мне молоко, он задумчиво надел калоши и заявил: «Кончено, Мурка. Надо мыслить не только о городе, но и о всей стране». После этого он стал приходить домой веселый, бодрый и пел неорганизованным, скрипучим голосом симпатичные песни.

— Так у него и живете? — деликатно спросил длинный кот.

— Сжились, — зевнув, ответила рыжая. — Только вот теперь немного толстеть начала. Обидно. От этого сала и молока ужасно теряешь фигуру. Я стала жирной как покойная бабушка.

— Кто знает, что еще будет в жизни, — пессимистически вставил длинный кот.

— Не беспокойтесь, дорогой, моему хозяину не придется печь дымные пирожки или красть свинину...

— А я, кстати, видел одну замечательно аппетитную мышку на чердаке, — вслух подумал пестрый котенок, — серенькая такая, круглая...

— Фуй, — брезгливо сказала рыжая. — Какие у вас еще низкие потребности, товарищ... Попробуйте быть культурным.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ДЕЛО О СЕМИ ЧАСТЯХ СВЕТА

Арена действия — город Кисловодск.

Главный злодей — пожарный Станишевский.

Официальная формулировка обвинения — «Отмена советских законов, как географического атласа».

Обвинение — более точное по стилю, но еще более туманное по содержанию: сокращение семи частей света на две, без соответствующего разрешения профсоюза.

Резолюция кисловодского горпрофсовета — «Исключение Станишевского из членов союза общим собранием работников пожарной команды считать совершенно правильным».

Показание обвиняемого — он же потерпевший, — как было дело:

«29 января 1935 года во время политзанятий происходил урок географии, на котором политрук Майфетов заявил, что у нас семь частей света. На этом уроке я допустил ошибочное заключение, мотивируя, насколько мне известно, что у нас имеется не семь частей света, а пять. Политрук Майфетов оценил сказанное мною как антипартийное и антисовет-

ское выступление и тут же заявил мне, что он поставит этот вопрос там, где это надо. 1 февраля 1935 г. я был снят с работы, и вот уже более 5 месяцев прошло в бесконечном хождении по мукам и невозможности до сих пор исправить ошибку».

Обращаю ваше внимание, я человек семейный, на моем иждивении находятся двое детей, мать, и в настоящее время, в связи с исключением меня из союза, жену мою сняли с работы, несмотря на то, что жена моя в течение четырех лет служила в горкоме ВКП(б) в Кисловодске».

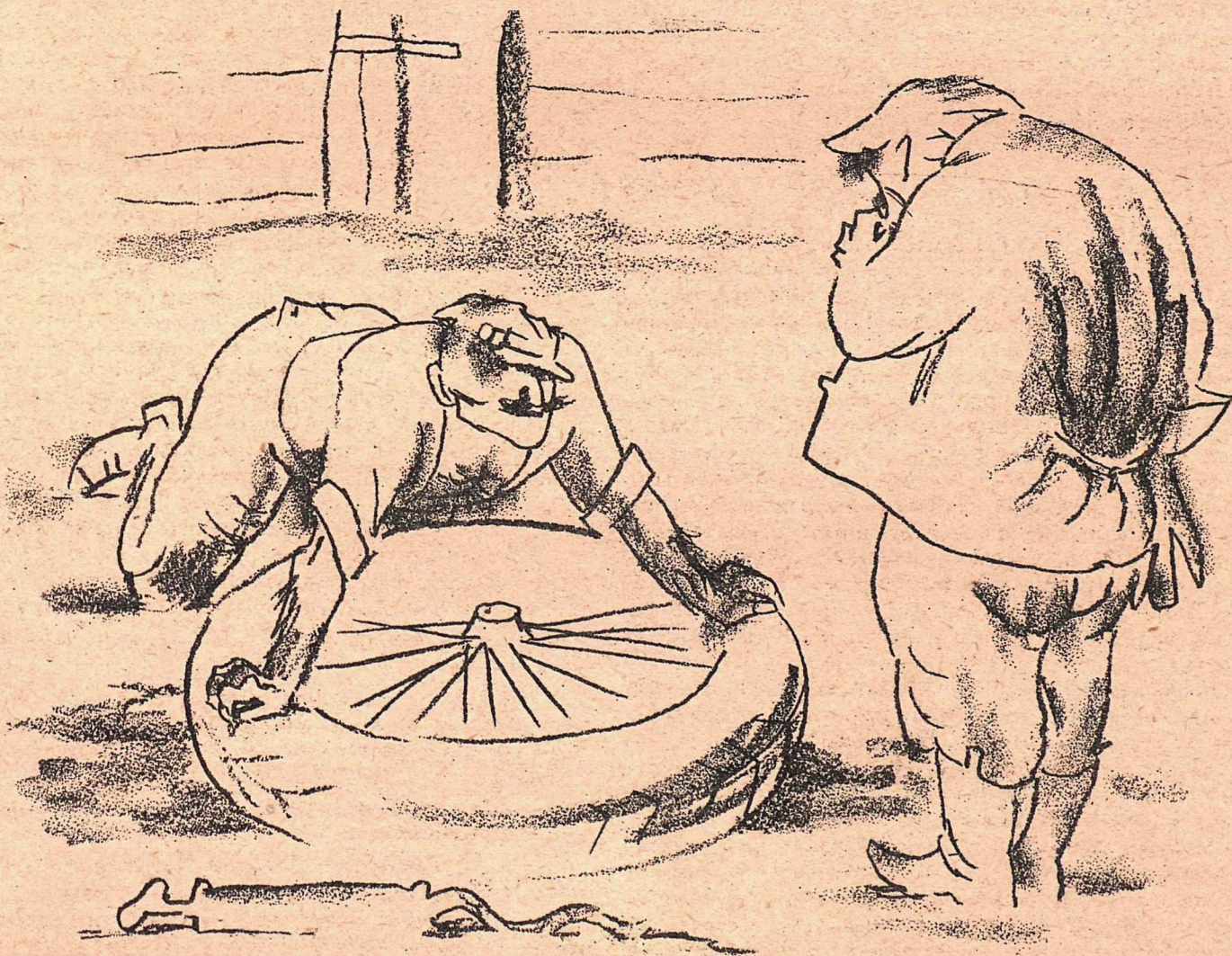
Деталь преступления (из протокола кисловодского горпрофсовета):

«На политзанятии — на уроке географии — Станишевский стал упорно отрицать существование семи частей света, ссылаясь на то, что в старой школе его учили, что частей света пять, а эти две новые части света по новому атласу могут быть так же отменены, как отменили закон божий».

Справка (по материалам ВЦСПС): «Станишевский до сих пор не восстановлен».

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. Л. Сойфертиса

— Для чего ты третье запасное колесо берешь?
— А как же! Ведь сам директор будет управлять машиной.

ПОХОДНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Рис. Жана Эффеля (Париж)

— Готовится что-то страшное. Фашистам уже раздали монокли из небьющегося стекла.

ОПЫТНЫЙ ЖАЛОБЩИК

Рис. Н. Радлова

— Это безобразия! Разве так чистят сапоги? Где заведующий?..

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

РАДИОПОМОЩЬ

В этом большом московском универсаме то и дело слышался голос радио:

— Мальчик Петя. Синеглазый. Заблудился в детской комнате. Второй этаж. Нале...

И всем понятна была бегущая по лестницам мать.

Радио сообщало и другие новости, просьбы, объявляло о прибытии новых товаров. Как-то с потолка послышалось:

— Муж Иегудил Францевич Бурбонов ждет в третьем под'езде, у галантерейного отделения, свою жену Евгению Ивановну.

К радио метнулась какая-то покупательница в синем жакете:

— Где, где ждет Бурбонов свою жену эту?

— Радио повторять вам не будет,— сказали покупатель.

— Да в третьем же под'езде, у галантерейного,— сказал покупатель. Синий жакет метнулся по лестнице, расталкивая народ.

— Вот любовь! Как к мужу побежала! Крепкая любовь,— сказал кто-то.— Не уйдет. Подождет.

На мгновение синий жакет обернулся:

— Я ему сейчас покажу. Он меня, мерзавец, в Симферополе, с детьми бросил и скрылся. Я уж его давно по всему Союзу ищу. А он, значит, с новой женой... Ну, спасибо этому радио. Сейчас я им...

И еще сильнее, как бы тренируясь, заработала локтями.

ПИСЬМО

Когда на кинокомбинате готовилась картина из колхозной жизни, актрисы неохотно разбирали роли.

— Я понимаю,— говорила Ася Студейко, которой дали роль колхозной бригадирши Наташи.— Я понимаю. Тираж у меня подходящий. Нос картошкой—колхозный, самый настоящий, но с платьями обидно. Надо шить колхозные сарафаны разные, паневы...

— А как же, как же, Асенька,— говорил режиссер.— Сошьете, милочка...

— Дайте мне какую-нибудь городскую роль. Тогда своего гардероба хватит...

— Не могу, не могу...

Через год картина попала на колхозный экран. Вечером колхозная бригадирша Наташа писала в комбинат письмо:

«Товарищи!

Довольно странно такие насмешки строить! Вы, видите, колхозной жизни совсем и не видали. У нас уж таких сарафанов давно не носят. Вы все думаете по-старому, что есть грань между городом и деревней, а она уж стирается.

Наташа дописала, заклеила конверт, взяла марку и ахнула. На марке тоже была изображена колхозница в сарафане.

— Отсюда, наверное, и слезали,— сказала Наташа. Подумала. Откинула марку.

— Пусть, коли не так, без марок идет... А что ж такой поклеп клеить!..

ТРУДНАЯ РОЛЬ

От главной роли—главного инженера—все актеры отмахивались.

— Нет, нет, это не по силам мне...

— Пускай Степан Петрович попробует...

— Степан Петрович—не соловей, свиста не уважает. Не возьму я.

— Заставить бы самого автора сыграть эту роль.

— Очень усложненная роль?—спросила актриса.— Гамлет?

— Хуже. Фантазия какая-то. Немало мы этих инженеров переиграла,— говорил Степан Петрович,— я вон даже «За индустриализацию»

выписывать стал, чтоб в инженерство вжиться. Уж теперь мое инженеру, так сказать, инженерю. Но чтоб с первого же действия инженер был честный, не подлец, не вредитель, сразу с орденом... Слуга покорный... Гриша! Когда обычно ты мне руку в первый раз пожимал?

— Да перед концом последнего акта. Перед орденом. Сперва руку, потом поцелуй. Это уж на митинге.

— Вот го-то и оно-то!—вздыхнул Степан Петрович.— Сделал бы автор, как положено по штату. Сперва подлец, а под занавес—апофеоз...

— О-о,— заговорили со всех сторон актеры,— такого хоть с закрытыми глазами...

И даже статист, таившийся в углу, покраснел и, заикаясь, сказал:

— Т-акого главинжа и я б ммог...

В. ТОБОЛЯКОВ

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В Саратове местное радиовещание обнаружило брата Александра Сергеевича Пушкина. По крайней мере при трансляции «Моцарта и Сальери» было объявлено, что это—произведение Алексея Сергеевича Пушкина. Повидимому, тут вопрос чистого соавторства: Моцарта написал Александр, а Сальери—Алексей. Сообщаем это тебе, чтобы заинтересовались пушкинисты. Зачем такое открытие держать в секрете?

П. ТИМОФЕЕВ

Саратов

Товарищ Крокодил!

Во Владивостоке горсовет решил взимать с каждого посаженного в черте города дерева 1 р. 20 к. Следует ли нам рассматривать это постановление как штраф за девонасаждение или как административный восторг по поводу озеленения города?

И. ДАШКО

Владивосток

Дорогой Крокодил!

Прошу тебя поместить заметку под названием «Красивая жизнь». Содержание ее такое: администрация рабочего кафе против завода ЦАГИ (Москва, ул. Баумана) не запаслась чайными ложками, и посетителям приходится размешивать чай вилками. Если хочешь,—поставь такое заглавие: «Отдых в кафе».

Рабочий

Н. МИТРОФАНОВ

Москва

Милый Крокодил!

Еду я по железной дороге со станции Кричев (Западная жел. дор.). Еду. Билет у меня в кармане, показываю я

его контролю и ничего не происходит. Правильный билет. И вдруг на станции Александрово смотрит на него контролер и говорит: «Билетику-то вашему уважаемому уж месяц стукнул, пожалуйста на вынос из вагона». И еще с вещами. Я запечалился. Как же это, спрашиваю, папаша, я же его на станции Кричев три дня тому назад купил. А контролер волнуется. «Тут,—говорит,—дело не во мне и не в вас, а в цифре. Прошлого месяца цифра. Пожалуйста или из вагона или штраф». Посмотрел на цифру—действительно прошлого месяца цифра. Уплатил 42 рубля штрафу. Доехал и послал билет начальнику станции Кричев. А он мне ответил: «Это—мелкое дело, и вообще ошибка кассирши может быть». А я из-за мелкого дела как жулик зайцем ехал и штраф платил. Спасибо.

В. ТЕРЕХОВ

Архангельск

Дорогой Крокодил!

Два года мы, работники Аралгосрыбтреста, умоляем Главрыбу прислать нам стандарты на разделку рыбных товаров. Мы уже получили от Главрыбы стандарты для выделки жилеток и дамских пальто. Кроме этого—на рис и пшено. Теперь, совсем наднях, получили отсюда же предложение закупить для повышения квалификации плакаты для плотников и штукатуров. Что нам делать? дожидаться ли присылки самоучителей маникюра и верховой езды или надеяться, что хотя бы это письмо заставит Главрыбу не делать из нас штукатуров и портных.

А. САВИН

Аральское море

Дружище Крокодил!

Я не против бороды как таковой. Пусть носит бороду кто хочет, но почему я дол-

Рис. М. Храпковского

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Рис. М. Храпковского

— Фу ты, чорт! Опять не рассчитал формул аэродинамики.

жен ходить с бородой лопатой, с дьяконовской прической и пугать своим видом окружающих? Имею я право не обростать волосами на данном отрезке времени? Ты скажешь просто: не обростай, если тебе не хочется. А что делать нам, жителям Шальгинского района, когда у

нас во всем районе нет ни одной парикмахерской?

И. МАМАЕВ

Шальгино, Черниговской обл. (УССР)

ПРИМ. РЕД. В любом большом колхозе сейчас есть парикмахерская. Полное оборудование для нее можно выписать из Москвы и других городов за 200—300 рублей. Почему до этого не додумаются в Шальгинском районе?

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА ПЕЧАТАЮТСЯ И СКОРО ПОСТУПАТ В ПРОДАЖУ:

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — „Приключения Растегина“

Иллюстр. А. Топикова

Н. САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН) — „Испорченные дети“

Иллюстр. Б. Малаховского

СТЭФЕН ЛИКОК — „Смешные рассказы“

Иллюстр. Л. Бродаты

В. АРДОВ — „Некоторые рассказы“

Иллюстр. Б. Малаховского

Л. ЛАГИН — „Сто пятьдесят три самоубийцы“

Иллюстр. Ю. Ганфа

ПЕСНЯ ТРАКТОРИСТА

(Из пьесы „Глубокая провинция“)

Тыщи лет земля все та же,
А народ пошел иной!..
В центре русского пейзажа
Я поставлю трактор свой.
Эх, бездушная машина,
Мной одушевленная!
Эх, энергия бензина,
Мной уде-шевленная!
Закипай, живое дело,
От металла мертвого!

Выходи, машина, смело—
Землю перевертывай!
Я на общей полосе
Напрягу усилия,
Чтобы радовались все
От моей фамилии!
Чтоб от жизни от моей
Что-нибудь осталось!
Чтоб фамилией моей
Песня называлась.

М. СВЕТЛОВ

У БЕРЛИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Рис. М. Черемных

— А после окончания этого романа за что вы засядете?
— Вероятнее всего, за тюремную решетку.

Рис. М. Храпковского

- Чем ты, сынок, занимаешься?
- Прыгаю с парашютом, бабушка.
- С парашютом и я прыгаю. Ты скажи, науками какими занимаешься?

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ЗООУЖАСЫ

Учпедгиз издал «Тетрадь для обучения грамоте».

Среди рисунков, привлекающих неграмотного человека к изучению печатных знаков, имеются гуси, куры, вороны, коровы. Все это очень хорошо. А для еще большего эффекта на обороте каждого рисунка, который предлагается вырезать, имеется печатное изображение тех звуков, которые характерны для коров, кур и гусей. Тут получается уже совсем нехорошо.

Так, «Тетрадь для обучения» поучает, что куры уныло мычат «Му-му», а коровы радостно кудахчут «Ко-ко-ко».

МУ-МУ.

КО-КО-КО.

Конечно, очень приятно, что в тетради нет лающих воров и шипящих зайцев, но и одной коровы, которая кричит «Ко-ко-ко» и вот-вот взмахнет крыльями, вполне достаточно, чтобы испугаться за будущие зоологические познания обучаемых грамоте.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Психологически тонкая характеристика не всегда удается даже мастерам слова. Поэтому не будем особенно придирчивыми к рядовым хозяйственникам в области точного определения ими свойств того или иного работника.

Но даже при всей снисходительности трудно добродушно отнестись к такой характеристике некоего Рабиновича, выданной треугольником завода № 20 Автопрома (Москва):

За плохое руководство работой имеет два выговора и один раз премирован.

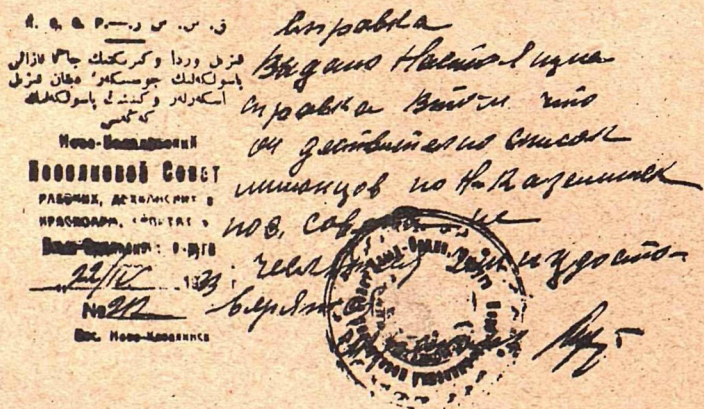
По нашему скромному мнению, такая характеристика — просто скрытый плагиат с дружеской записки одного бреттартовского золотискателя:

«Джеку можешь доверять как брату, но постарайся привязать его к дереву, чтобы он не сбегал».

ДОКУМЕНТ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ

Есть всяческие документы на предъявителя, но нам удалось достать редчайший из них: безыменную справку о том, что предъявитель не лишен избирательных прав.

Справка эта, выданная Ново-Казалинским поселковым советом, гласит:

Такая справка в руках опытного лиценца — прямо золото. А такой поселковый совет в руках малоопытных головоотяпов — далеко не золотоносная жила, а значительно хуже.

ИЗ ХРОНИКИ ПРОИСШЕСТВИЙ

Газета «Кировец» (Селивановский район, Азово-Черноморский край) решила ударить по клубному бескультурью и выбрала для этого самый острый род оружия — звенящие гневом стихи.

Вот избранные строки из них:

Есть и клуб. Об'емный клуб.
На центр. улице.
Да, но он без крыши, труб
И как осень хмурился.

Молодежь хочет зимой
Научиться отдохнуть.
Кто бы вялся прямо с бою
Рай. культуру провернуть.

А провертывать «рай. культуру» допускающих такие стихи в органе райкома надо основательно. Да так провернуть, чтобы и не вернулась. Нельзя же оставлять такую поэзию без присмотра. Население жалко.

НОТАЦИЯ КЛАССИКУ

Что касается критического освоения классиков, то классики в общем осваиваются неплохо. И уже настал момент, когда мы обязаны спросить себя: а как сами классики осваивают друг друга? И мы увидим, что здесь еще не все классики с достаточной серьезностью разрешают свою родную проблему.

Возьмем небезызвестного драматурга А. Н. Островского. Пьесы его идут ежедневно и в центре и на периферии, но, оказывается, этого ему мало: он из своего «Леса» залез в чужой сад (возможно, даже через забор), как свидетельствует газета «Бакинский рабочий», — в «Вишневый сад». Но, насколько нам известно, в арсенале литературного наследия наших классиков имеется только один хозяин «Вишневого сада» — А. П. Чехов, вопреки объявлению, помещенному в «Бакинском рабочем»:

2 октября А. Н. Островский
ВИШНЕВЫЙ САД
3, 4 октября А. Корвейчук
ПЛАТОН КРЕЧЕТ

«Бакинский рабочий», сам того не ведая, рекламирует на своих страницах расхищение классического литературного наследия. Но мы надеемся, что редакция осознает свою ошибку и в боевой передовице ударит по мелкобуржуазным рукам зарвавшегося драматурга.

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

«ТРОЙКА ГНЕДЫХ»

В Козьминской МТО (Северо-Кавказский край) старший механик Холин, старший агроном Савченко и плановик Яковлев систематически пьянствовали, травили молодых специалистов и преследовали сельхозработников. Механик Холин угрожал сельхозработнику Сачкову расправой, если он и дальше будет писать. Директор МТО Булычев шел на поводу у этой кучки прохвостов и пытался уволить сельхозработников Колодяжного и Сачкова.

Обо всем этом сельхозработники сигнализировали Крокодилу. Либнехтовский райком партии после вмешательства Крокодила объявил директору МТО Булычеву строгий выговор. Механик Холин исключен из партии, снят с работы и осужден на год принудительных работ. Агроном Савченко и плановик Яковлев уволены.

ДЕБОШИРЫ

Инструктор Питерского райисполкома, Саратовского края, Петров и учитель Питерской школы Безруков затеяли пьянку и после кутежа, ночью, учинили дебош у колхозника Пономарева.

По материалам Крокодила Петров и Безруков были преданы суду и осуждены на год исправительно-трудовых работ каждый.

ПОД СУД ЗА ПЛОХОЙ ПРИЕМ РАБОЧИХ

Около двухсот человек рабочих было завербовано на строительство Челябинского областного делового клуба. Когда завербованные приехали на стройку, общежитие не было подготовлено, питание было плохо организовано. К тому же систематически задерживалась выплата заработка. Об этом рабочие писали Крокодилу.

Прокурор Челябинской области сообщил Крокодилу, что начальник строительства делового клуба Кепкин предан суду по 109 ст. Уголовного кодекса.

ГОД РОЖДЕНИЯ 1994-Й

В 22 номере Крокодила была помещена заметка о том, что Новоржевское отделение милиции выдало гражданке Ивановой паспорт, в котором был указан год рождения 1994-й. Управление Р-К. милиции по Калининской области сообщает, что паспортисту Новоржевского района милиции сделано предупреждение.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-85; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 966.

Сдача текста и рисунков 19/Х—35 г.

Подп. к печ. 27/Х—35 г.

Статформат 72×108. 1/8 л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—8984.

Типография газ. «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8.

Зак. № 2084.

Тираж 350.000

Кондитерские изделия фабрики им. БАБАЕВА вырабатываются исключительно механическим путем. Начиная с первой стадии работы, сахарный сироп, фруктово-ягодное пюре передаются по всем фазам путем механической перекачки, совершенно без прикосновения рук к сырью, направляемому по закрытым каналам во все артерии фабрики. На фабрике сведен к минимуму кустарный и антигигиеничный ручной труд, практиковавшийся в условиях капиталистического прошлого.

Учитывая запросы потребителя, фабрика выпустила следующие новые сорта изделий:

МОНПАСЬЕ «АТЛАСНАЯ ПОДУШЕЧКА» в особо оригинальной упаковке: герметически закрытой стеклянной банке по 600 граммов нетто и в жестяной коробке весом 250 граммов.

МОНПАСЬЕ «ЧЕРЕШНЯ», «РЯБИНА», «ЦВЕТНОЙ ГОРОШЕК» в круглых картонных коробках, с художественно оформленными этикетками, по 250 граммов.

МОНПАСЬЕ ИЗ ФРУКТОВЫХ СОКОВ: «Лимон», «Апельсин», «Вишня в сахаре», «Фруктовое», «Какао в порошке» и с помадной мандариновой начинкой.

КАРАМЕЛЬ, завернутая в художественно оформленные этикетки. Пять сортов: «Яблоко», «Вишня», «Рябина», «Мандарин», «Черная смородина».

УВЕЛИЧЕН ВЫПУСК МОНПАСЬЕ-ЛЕДЕНЦОВ высшего сорта в мелкой жестяной расфасовке по 250, 150 и 125 граммов, в портативных коробках.

ОРГАНИЗОВАН МАССОВЫЙ ВЫПУСК МОНПАСЬЕ «КРЫЖОВНИК» натурального оформления. В коробках по 200 граммов, с художественно оформленными этикетками.

МОНПАСЬЕ ЛЕДЕНЦОВОЕ АССОРТИ. **НОВОСТЫ ШЕСТЬ НАТУРАЛЬНО-ВКУСОВЫХ ЛИКЕРОВ:** «Вишня», «Черная смородина», «Рябина», «Клюква», «Мандарин», «Зубровка».

Требуйте изделия нашей фабрики во всех магазинах системы «Гастроном», «Мостроп», «Бакалея» и др.

Московская кондитерская ф-ка им. БАБАЕВА.

В ЗАЩИТУ ОДНОЙ ПОСЛОВИЦЫ

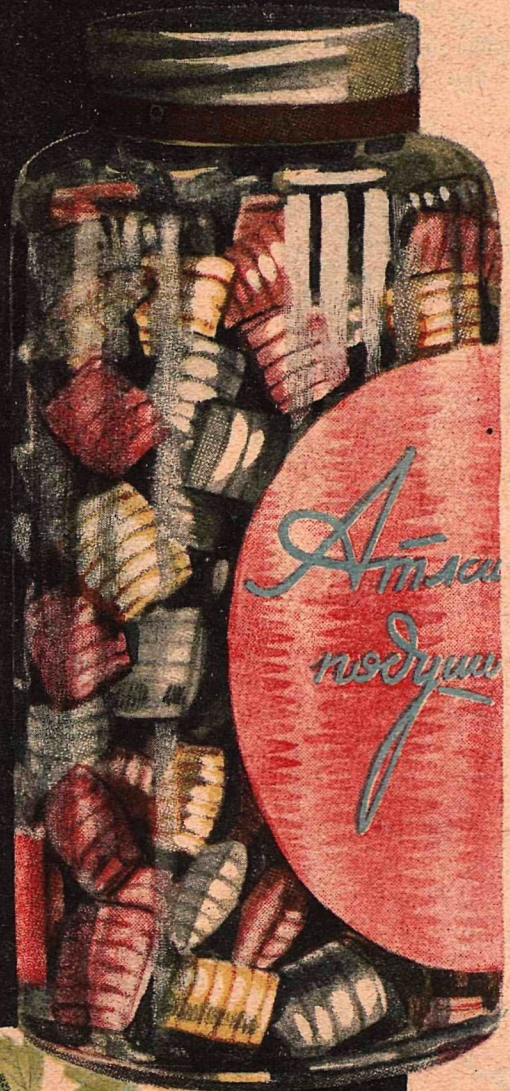
Есть такая старая пословица:

„ТЯЖЕЛО ДУШЕЧКЕ БЕЗ АТЛАСНОЙ ПОДУШЕЧКИ“.

Этими словами осмеивались неженки и паразиты, лишившиеся комфорта.

Мы за восстановление этой пословицы, но уже в другом разрезе и с другим внутренним смыслом.

— Да, товарищи, тяжело душечке без „АТЛАСНОЙ ПОДУШЕЧКИ“ московской кондитерской фабрики им. Бабаева, потому что это — самое лучшее монпасье с начинкой, продающееся в герметически закрытой стеклянной банке.

„Наркомпишпером“ С.С.С.Р. Главкондитер. ф-ка им. П.А.Бабаева Москва

ТАСТРА

50 М7642 =

ВЫБЫТ. ЭТО НЕ НАПРЯ

4 - НОЯ

К.В.В. Казар. ПОСТРОИ

ТАС

50 М7642 =

ЗАКРЫТ

Закрытый распределитель
— открытый магазин